

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И ПРАВО

УДК 94(4)

И. И. Галечко

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КРУГАХ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматриваются представления немцев Веймарской республики о Советской России и русских в 20—30-х гг. XX в. Определяются причины формирования положительного и даже идеализированного образа страны Советов у либерально-демократической части населения Германии.

Ключевые слова: Веймарская республика, советско-германские отношения, эра Рапалло.

Halechko I.I. Image of the Soviet Russia in democratic circles of the Weimar republic

In article are considered representations of Germans of the Weimar republic about the Soviet Russia and Russian in 20—30 years of the XX century. The reasons of forming positive and even an idealized image of the country of Councils of a liberally-democratic part of Germany are determined.

Keywords: Weimar republic, Soviet-German relations, era of Rapallo.

Первая мировая война, революция 1917 г. в России и последовавшие за ней революционные выступления в странах Европы и Азии оказали огромное влияние на развитие мировой цивилизации, международных отношений. Последние приобретают действительно международный характер, т.е. становятся отношениями не только политиков и дипломатов, но и отношениями народов. С возникновением и развитием массового общества — и как следствие массового сознания — все большее значение приобретают представления обычных людей, а не политической, экономической или культурной элиты о других народах и странах. Образ другой страны в общественном сознании начинает влиять на принятие внешнеполитических ре-

шений. Этот образ складывается из множества факторов: его создают СМИ (газеты, журналы, радио), литература (прежде всего малые формы: очерк, репортаж), личные контакты людей (писателей, журналистов, общественных деятелей, рабочих, инженеров, эмигрантов), а также политические и общественные организации, создающие и эксплуатирующие образ «другого» в своих интересах.

Первая мировая война и последовавшие революционные события в России и Германии вызвали крушение двух сильнейших континентальных империй Европы и привели к образованию на их основе новых государств-республик — Советской и Веймарской. Обе республики создаются марксистами: большевиками в России и социал-демократами в Германии. Новые политические режимы декларируют разрыв с прежним государственным строем. И Россия, и Германия оказываются в числе государств, проигравших войну, испытывают прямую враждебность со стороны стран-победительниц и выбывают из числа великих держав. Если до войны империи имели общую границу, то Версальская система закрепила отторжение восточных областей Германии и западных — России и привела к образованию между обеими странами сообщества новых малых стран Восточной Европы, враждебно настроенных к обеим республикам (яркий пример: Польша).

Вышеперечисленные явления и факторы обусловили возникновение и развитие нового образа России в немецком общественном сознании — образа Советской России. Отечественные историки неоднократно обращались к проблеме советско-германских отношений в 1919—1933 гг. Но их внимание было обращено на дипломатические, военные и культурные контакты двух стран. Проблема же восприятия немцами русских и России, существования у различных слоев немецкого общества образов Советской страны не получила должного освещения.

Демократическая часть немецкого населения составляла внушительную силу, именно либералы и демократы составляли массовую опору веймарского режима. О силе и авторитете этой части немецкой общественности говорит тот факт, что Веймарская республика, несмотря на все попытки как левых, так и правых радикалов ее уничтожить, сумела устоять в 1923 г.

Первые годы существования Веймарской республики можно назвать «периодом открытия Советской России». В это время появляются многочисленные книги репортажей и очерков с описанием «поездки на Русь», возникает живой интерес ко всем преобразованиям в Советской стране, ко всему русскому. Конкретность мыслей, точность политических определений, социальная направленность особенно ярко проявились в жанре репортажа, оказавшемся наиболее плодотворным в описаниях повседневной жизни обычных людей Советской России. Интерес к событиям в России оказался не

просто модой. Эпохальное событие 1917 г. вынуждало каждого представителя литературной интеллигенции, особенно остро реагировавшей на кризисную атмосферу послевоенных лет, открыто высказать свою точку зрения.

Наиболее характерным представителем либерально-демократической интеллигенции, отражавшей и одновременно формировавшей взгляды той части немцев, которая разделяла демократические, либеральные или социалистические идеи, приветствовала и полностью поддерживала Веймарскую республику, был публицист, будущий член Прусской академии искусств Альфонс Паке.

А. Паке прибыл в Советскую страну в качестве корреспондента влиятельной либерально-демократической буржуазной газеты «Франкфуртер цайтунг», которую читали государственные и партийные деятели Веймарской республики. Свои впечатления о поездке он изложил в книге «В коммунистической России. Письма из Москвы». В предисловии к первому изданию автор выразил надежду, что его очерки отразили человеческие аспекты русской революции и революции вообще¹. Для Паке не было сомнения в том, что русская революция «одно из могущественных событий человеческой истории». О ее мобилизующем воздействии он писал в своих речах «Дух русской революции», также опубликованных в 1919 г.: «Большевизм заставляет не только серьезно задуматься о возможностях лучшего будущего, но и испытать эти возможности в необходимой новой композиции общественной жизни»².

А. Паке, будучи типичным представителем германской либерально-демократической интеллигенции и разделяя ее политические установки, называл себя сторонником революции в «духовной области», которая могла бы «обойти тяжелую необходимость борьбы за власть». В то же время в книге «В коммунистической России» А. Паке приходит к выводу, что «основы европейской цивилизации, которая смогла породить эту мировую войну, должны быть подвергнуты ревизии»³.

Свое отношение к Советскому правительству публицист выразил в следующей недвусмысленной форме: «Следует признать за ведущими деятелями Советского правительства, что каждый из них как лев борется и неустанно работает. Решительная попытка организовать жизнь современного сложного государственного организма на основе марксистских убеждений увенчалась успехом, что даст будущим историкам богатейший материал»⁴.

В очерках Паке дана совершенно не характерная для многих его коллег по перу оценка работы ЧК. В оценке работы ЧК и ее руководителей нет однозначных суждений. Представления автора навеяны Великой французской буржуазной революцией: рядом с «образованной и лично симпатичной» Ирментраут-Петровой встает мрачная фигура литовки Краузе. Дзержинский, в изображении Паке, фанатик, как Сен-Жюст, «якобинец, о котором

говорят, что он скорее Ленина или себя самого арестует, чем хотя бы на мгновение будет не верен идее»⁵.

Одна из самых обширных и интереснейших глав посвящена деятельности Пролеткульта. В ней автор рассказывает о национализации бывших императорских театров, об организации в московских дворцах, стены которых все еще испещрены следами от пуль, выставок картин из богатых кремлевских фондов, о проведении революционных «концертов-митингов», оказывающих сильное воздействие на слушателя благодаря сочетанию серьезной музыки с политико-философскими выступлениями. Смелые плакаты В. Кандинского и его учеников висят на улицах, в залах для собраний: «юношеские элегантно-причудливые силуэты, марширующие фигуры, вертящиеся колеса, искрящиеся жерла пушек, призматически разорванные пучки света и над черным железным телом со светящимися глазами фонарей надпись: Революция — локомотив истории». Пусть вас не смущает хаотическая смесь таланта и безвкусицы, — писал публицист. — Это начало⁶.

В промышленных центрах, Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Иваново-Вознесенске народный комиссариат просвещения основал пролетарские университеты, студенческие курсы, политехнические школы, библиотеки — все это Пролеткульт, как и «дюжина новых памятников», открывающихся в Москве: Шевченко, Кольцов, Никитин, Гейне... «Поэты в России, — замечает Паке, — в будущем должны привыкнуть группами вступать в каменное бессмертие»⁷. Эти ироничные слова показывают сложное отношение публициста к культурной политике советского правительства, за восхищением достижениями революции скрывается настороженное отношение к некоторым культурным акциям большевиков.

За пять месяцев пребывания в Советской России А. Паке многое увидел и о многом смог интересно и искренне рассказать своим читателям. Особо пристальное внимание немецкого публициста, имеющего большой опыт работы в немецких органах массовой информации (с 1902 г. — редактор местной газеты в Тюрингии, затем издаваемой В. Шефером газеты «Рейнланд», с 1908 г. — корреспондент «Франкфуртер цайтунг»), привлекали, по его собственному признанию, «судьбы русской прессы». В своей книге Паке подробно, детализировано знакомит читателя с «пролетарским литературным делом», период становления которого характеризовался многочисленными трудностями: советской прессе недоставало специалистов и образованных сотрудников, в литературном отношении она могла предложить читателю очень немногое, катастрофически не хватало бумаги, стоимость одного экземпляра газеты поднялась до фантастических размеров: один номер «Известий» стоил 60 копеек. «Известия», по мнению Паке, являлись одним из

немногих советских органов печати, о котором можно сказать, что «он хорошо редактируется и публикует ежедневно кучу интересного материала»⁸.

Большое достижение советской прессы автор видит в освобождении ее от ига капитала, добавляя при этом, что для полной ликвидации «поверхностности» и «беспомощности» суждений одного этого фактора недостаточно. «Для этого нужна даже в самом коммунистическом государстве очень счастливая атмосфера»⁹.

Российское телеграфное агентство, по мнению публициста, «является агитационным инструментом высшего класса» и при этом более демократичным, нежели в ведущих державах Запада. В то время как РОСТА пользуется услугами зарубежных телеграфных агентств, «капиталистические газетные тресты, которые во Франции, Англии и Америке контролируют общественное мнение, предпочитают лучше скрывать от своих читателей известия из России, нежели решиться их опубликовать...»¹⁰.

В 1905 г. Зигфрид Якобсон основал литературно-искусствоведческое обозрение «Шаубгоне», которое 4 апреля 1918 г. в связи с начавшими превалировать в нем общественно-политическими проблемами, было реорганизовано в еженедельник «по вопросам политики, экономики и искусства», получившим название «Вельтбюне». Круг интересов «Вельтбюне», касающихся СССР, был обширен. Наряду с важнейшими вопросами внешней и внутренней политики Советского государства на страницах журнала ставились и обсуждались вопросы религии, морали, нравов. В большей или меньшей степени многие из них были проникнуты духом скептицизма по отношению к тому новому, что создавала Советская власть. Однако журнал демократической интеллигенции «Вельтбюне» никогда не был рупором антисоветских настроений. Отношение журнала к советской власти в России было типичным для демократических кругов Германии, отрицающих претензии большевиков на единоличную власть: «Мы знаем только один путь к диктатуре пролетариата: он ведет через демократию. О фатуме краха и советской диктатуре мы не желаем знать, как в свое время не желали знать о фатуме мировой войны»¹¹.

Начиная с 1920 г. можно отметить особенно быстрый рост числа публикаций журнала «Вельтбюне» о Советской России. В понимании проблемы диктатуры и демократии симпатии журнала было всецело на стороне демократических кругов. В статье Э. Гурвича давалась характеристика основных партий России: большевиков, меньшевиков, эсеров и трудовиков. О большевиках в ней говорилось, что они применяют массовый террор в его ужасных формах и этим укрепляют меньшевистскую оппозицию против большевизма¹².

Другая статья того же автора усматривала в усилении единоначалия в области хозяйственного руководства и ужесточении дисциплины на пред-

приятных, — несовместимую с идеей пролетарской демократии, очередную «диалектическую хитрость» большевиков¹³.

Журнал «Вельтбюне» проявлял большой интерес к аграрной политике Советского правительства, о чем свидетельствуют многочисленные статьи, напечатанные в журнале в 1921 году. В статье «Русский аграрный коммунизм» Э. Гурвич давал краткий исторический обзор: от создания деревенских коммун до организации крупных коллективных хозяйств. С одной стороны, автор писал о трудностях и проблемах социалистических преобразований в деревне, с другой — отмечал, что если какое-то начинание и не принесло еще должного результата, то Советское правительство все равно добьется осуществления своих планов¹⁴.

Проблема концессионных соглашений с государствами Запада в освоении природных богатств Сибири и Урала нашла свое отражение в статьях Э. Гурвича «Распродажа России», «Ленин и Ллойд Джордж». Автор, исходя из фактов и анализируя экономические и политические причины этого явления, оценивал всю систему концессий как свидетельство неудачного проведения большевистской хозяйственной политики¹⁵.

Если демократическая часть немецкого общества с настороженностью относилась к политическому режиму большевиков, то культурные достижения новой России вызывали не только одобрение, но часто и восхищение. С 26 сентября по 10 октября 1922 г. в Берлине прошли гастроли Московского художественного театра в помещении Лессингтеатра. Немецкая пресса с большой теплотой отзывалась о театре, давая ему высокую оценку. Известный немецкий театральный критик Альфред Керр писал в «Берлинер тагеблатт»: «То, что дал Станиславский, было бессмертно и незабываемо... Часто подражали Станиславскому, но никто не достигал его силы»¹⁶. «Если Московский Камерный театр — дитя большевизма, то большевизм не уничтожает, а, наоборот, освобождает творческие силы», — писал в официозе Г. Штреземана газете «Цайт» К. Арам¹⁷.

В № 13 «Вельтбюне» (1924 г.) была опубликована большая статья К. Керстена, озаглавленная «Новая Россия». Впервые автор побывал в Советской стране в 1922 г., а в 1924 г. посетил ее вторично. За это время многое изменилось: ситуация стабилизировалась, Советская Россия стала важным фактором международной политики. Керстен писал, что хотя Ленин умер, но ленинизм продолжал жить. Видел Керстен и результаты новой экономической политики. НЭП, по мнению автора, не «самоцель», а только инструмент, с помощью которого большевистская Россия предполагала добиться независимости от западных держав. Реставрация монархии или установление западной демократии, по мнению Керстена, в России невозможны. Об этом свидетельствовало все: и атмосфера вокруг нэпманов, и изо-

щрённые методы коммунистической пропаганды, и значительный интерес широких кругов Европы, в том числе и Германии, к революционному развитию России¹⁸.

В 1926 г. скончался З. Якобсон, основатель и руководитель «Вельтбюне», издателем стала его вдова Эдит Якобсон, а фактическим руководителем был Карл Осецкий, ставший главным редактором журнала с 1927 г. Продолжая и развивая традиции демократической публицистики — вместе со своими соратниками К. Тухольским, Г. фон Герлахом, Б Якоби, Э Кестнером, А. Голичером и активно сотрудничавшими в еженедельнике писателями Э. Толлером, Г. Манном, Л. Фейхтвангером, А. Зегерс, Э. Вайнертом, Л. Ренном, Э.Э. Кишем, К. Гроссманом — Осецкий вел непримиримую борьбу с могильщиками Веймарской республики.

Под руководством Осецкого «Вельтбюне» опубликовал значительное количество положительных отзывов о Советской России. Осецкий боролся с антисоветизмом, и это характеризовало его отношение к СССР. После убийства В. Ратенау, игравшего главную роль в заключении Рапалльского договора с Россией, который означал поворот к политике и принципам мирного сосуществования государств с различным социальным строем, К. Осецкий выступал против поборников антисоветской внешней политики в Германии¹⁹.

Выступая против «мнимой коммунистической угрозы», К. Осецкий в 1928 г. писал: «Страх перед коммунизмом все больше развивается как международный психоз... страх обывателей перед большевизмом, во всяком случае, искренен. Даже в Германии, где все-таки меньше авантюристических представлений о новой России»²⁰.

В № 50 (1927 г.) было опубликовано ироническое письмо Г. Вальдена из Советского Союза, адресованное высокому государственному чиновнику в Берлине. В нем говорилось, что в СССР служащие получают пенсию, частная торговля не запрещена, личная собственность сохранилась, имеются рестораны, в которых можно танцевать фокстрот, а мусорных ящиков больше, чем в Берлине. В конце письма автор давал «практический совет» на случай, если регирунгсрат пожелает переселиться в Советский Союз: «Не вступайте в большевистскую партию. Ее членам в Москве ни в коем случае не разрешается получать больше, чем 240 рублей ежемесячно. Это партийный принцип. Как беспартийный, я оцениваю их качества, по меньшей мере, на 600 рублей в месяц...»²¹.

Внимательно следя за политической жизнью Советского государства, журнал «Вельтбюне» оценивал новый экономический курс ВКП(б), как правильный и исторически оправданный. В статье «Что происходит в России?» (№ 6, 1928 г.) Г. Донат писал: «В Советской России налажена социалистиче-

ская промышленность... с постоянно растущей производительностью, с постоянно растущей заработной платой рабочих, воздействие этого фактора на трудящихся всего мира, если появятся объективные предпосылки для дальнейшего развития социалистической революции, трудно переоценить»²².

В 1928 г. «Вельтбюне» решительно осуждал лозунг «объединенной Европы», с помощью которого западная политическая элита пыталась воздвигнуть «китайскую стену против Востока». Французское правительство, игравшее на этот раз роль главного инициатора антисоветских действий, выдвинуло проект создания блока континентальных европейских стран, известный под названием «Пан-Европа». «Странно выглядит эта Европа... Эта Европа без народов, — писал Осецкий. — Такой союз губителен, потому что он маскирует опасность и порождает иллюзии... Он игнорирует интересы многомиллионных масс трудящихся»²³.

Однако Осецкий отрицательно относился ко всякому приукрашиванию российской действительности: «Что касается России, то стали привычными составленные в милом тоне рапорты с «поля битвы». Горизонт сияет розовым светом; трудности, может быть, там и есть, но все они будут преодолены, самое позднее, завтра... Короче говоря: Гангховер [Гангофер — автор бульварно-развлекательной беллетристики — И.Г.] в Москве»²⁴.

В период кризиса 1929—1933 гг. и наступления нацизма симпатии к Советской России демократически настроенных немцев возрастали. Показательна позиция «Вельтбюне» и его сотрудников. Например, свое отношение к Советскому Союзу ясно и недвусмысленно выразил Тухольский в ответе на анкету международного бюро революционных писателей, предложенную ему в 1930 г.: какова будет ваша позиция в случае, если империалистические державы развяжут войну против СССР. «Если речь идет о союзе европейских держав, которые с помощью церкви безостановочно травят Россию, которая из-за рабочего движения в их собственных странах торчит у них как бельмо на глазу, моя позиция predetermined заранее: за Россию, против тех держав, даже если пришлось бы идти против Германии... Подобную войну, исход которой трудно предвидеть, я восприму как катастрофу для всего международного рабочего движения; если такая война начнется, у меня не возникнет никаких сомнений насчет виновников». Но, несмотря на свои левые убеждения (например, он сотрудничал с «Арбайтер иллюстрирте цайтунг», одной из наиболее читаемых иллюстрированных газет, которую фактически выпускала КПГ), Тухольский проводил «границу слева от себя... где неумные марксисты пытаются с помощью, безусловно, великой теории исцелить все недуги»²⁵.

В 1930 г. под названием «Симпатизирующие» «Вельтбюне» напечатал статью, в которой анализировалось политическое и экономическое положение

ние Советской страны на этом этапе. Слово «симпатизирующие» точно выражало отношение к СССР немецкой демократической интеллигенции²⁶.

В № 36 за 1931 г. в журнале была напечатана статья Б. Шоу, которая называлась «Непонятная Россия». Б. Шоу неоднократно посещал Советскую страну, был сторонником того нового и прогрессивного, носителем чего, по его убеждению, было Советское государство. Он писал, что в России «нет многопартийной политики и прочей лжи, которая в буржуазных странах на деле препятствует достижению подлинной демократии». В России существует только одна партия, и это не привело к восстановлению в стране «тирании царя, церкви и дворянства», не ввергло народ в «новое рабство». «Когда в результате повышения общего культурного уровня ни один способный человек не останется вне соревнования, в России будут достигнуты величайшие успехи. Но даже сейчас, когда число полностью квалифицированных рабочих очень незначительно, русское правительство является одним из самых дееспособных во всем цивилизованном мире»²⁷. В своей оценке Советской России Шоу не был одинок, в то время многие великие писатели мира, такие как Р. Роллан, А. Барбюс, Т. Драйзер, С. Цвейг, идеализируя советский режим, выступали в защиту Советского Союза, видя в нем будущее Европы. «За что мы благодарим СССР? За его существование. Сегодня больше, чем когда-либо, — писал Э. Толлер. — Защита СССР, его оборона - долг всех, кто сохранил веру в историческую миссию рабочего класса...»²⁸.

Вплоть до установления нацистской диктатуры в Германии журнал «Вельтбюне» оставался защитником Советского Союза, «той крепости революции», с которой, по его убеждению, «враждебному миру капитала будет нанесен смертельный удар»²⁹. Но в тоже время демократически настроенные авторы журнала категорически не принимали вооруженную революцию, как способ перехода к более прогрессивному обществу. Ф. Сновден в статье «Московские методы и угрозы» писал: «Когда наступит время больших национальных и экономических перемен..., они будут достигнуты не путем вооруженной революции, а в результате мудрого использования демократической власти на конституционной основе»³⁰.

В условиях Версальской системы Веймарская республика оказалась в неравноправном положении при контактах со странами-победительницами, причем такое положение вещей наблюдалось не только в дипломатической, экономической и военной сферах, но также и в области культуры и науки. В сложившихся условиях отношения с Советской Россией выгодно отличались от контактов с Англией, Францией и другими государствами-победителями, как следствие — демократический образ СССР, по крайней мере, в культурной сфере, был положительным.

Время активных контактов СССР и Германии приходится на 20-е гг., охватывая самые разные сферы общественной жизни, науки и культуры обеих стран, они вовлекали в свою работу людей, отличных по социальному положению, политической ориентации. Контакты эти расширились во второй половине 1920-х гг., а в их реализации заметную роль стали играть либеральные круги Германии. Весьма далекие от революционных идеалов, а подчас и сочувствуя к ним, инициаторы подобных контактов по мере познания советской страны начинали относиться к ней с всевозрастающими симпатией. Тому пример — деятельность руководителей «Общества изучения Восточной Европы» Ф. Шмидт-Отта и О. Гётча. ОИВЕ сыграло значительную роль в становлении и развитии советско-германских научно-технических и культурных связей в 20-е — начале 30-х годов.

В 1924 г. в журнале «Нойе Руссланд», который издавался в Берлине Обществом друзей новой России (ОДНР), появилась статья профессора истории искусств Э. Редслоба о культурных связях Германии и Советского Союза, которые все более активно развивались. Авторитетный немецкий ученый отмечал среди прочего давние традиции в русско-германском научно-техническом и культурном сотрудничестве и заявлял, что в культурной области Германия должна отдавать свое предпочтение России, а не Франции³¹.

За Обществом друзей новой России постоянно наблюдала тайная германская полиция. В то же время утверждение, что все члены ОДНР - это агенты Москвы, занимавшиеся только культурной прокоммунистической пропагандой, было явно преувеличенным и, разумеется, не могло относиться к таким людям, как, например, президент рейхстага П. Лёбе, входивший в ОДНР. Такие политики и интеллектуалы, как Й. Вирт, В. Ратенау, Г. фон Сект, О. Шпенглер и др., предпочитали восточную ориентацию в германской внешней политике и сохраняли в этом отношении верность «наследию О. Бисмарка». Имперский комиссар по наблюдению за общественным порядком еще летом 1923 г. дал весьма точную характеристику «Обществу друзей новой России», заявив, что ОДНР основала та часть интеллигенции и политиков, которая, являясь либералами, понимала, что Германия немислима без научных и культурных связей, как с Европой, так и Россией³². Большевицкий режим, по их мнению, не должен был являться препятствием для хозяйственного и культурного сотрудничества Германии и Советской России.

Важнейшую роль в создании положительного образа Советской России не только у демократических кругов, но и в широких массах немецкого населения играло, безусловно, новаторское и передовое советское искусство, еще не скованное жесткими рамками сталинской системы 30-х гг. Ярким примером воздействия советского искусства на немецкое общественное мнение явился показ впервые за пределами СССР нового советского филь-

ма «Броненосец Потемкин» режиссера С. Эйзенштейна 29 апреля 1926 г. в берлинском кинотеатре «Аполло». Положительные рецензии об этом фильме появились не только в коммунистической, но и в либеральной прессе, например, в берлинских газетах «Берлинер тагеблатт унд хандельсцайтунг» и «Фоссише цайтунг». В «Вельтбюне» можно было прочесть восторженный отклик на фильм: «Нет действия в смысле обычной кинодраматургии... Но фильм потрясает до основания...»³³. А известный искусствовед Керр писал по поводу фильма «Броненосец Потемкин»: «Я имел счастье быть судьей [в цензуре — И.Г.] над фильмом-чудом «Потемкин»...»³⁴.

С начала 20-х гг. Москва через Коминтерн и другие близкие ему по духу и идеологии организации использовала все возможные средства культурной политики (научные контакты, производственно-технический обмен, выставки и книгообмен, культурные связи творческой интеллигенции, театральные гастроли, деятельность многочисленных обществ по изучению культуры) в политических и идеологических целях, осуществляя в отношении Веймарской Германии культурную пропаганду, искусно завуалированную в разнообразные формы научно-технических и культурных обменов или открытую в виде многочисленных агитационно-пропагандистских кампаний. Руководили всей этой работой идеологический отдел Политбюро ЦК ВКП(б) и отдел пропаганды и агитации Коминтерна.

Следует отметить, что влияние пролетарской культуры из Советской России на Германию было отнюдь не безуспешным уже изначально. В 1918—1920 гг., Москва, Пролеткульт, авангардизм и футуризм имели успех в Германии, что нашло отражение в оформлении революционного пролетарского театра Эрвина Пискатора, в устремлениях левого крыла немецкой буржуазной интеллигенции, например, экспрессионистского журнала «Аktion». Основанный в 1911 г. Францем Пфемфертом еженедельник «по вопросам политики, литературы, искусства» — «Аktion», имел в то время ярко выраженную «левую» направленность.

На страницах журнала «Аktion» публиковались и обсуждались новые работы В.И. Ленина, важнейшие документы Советской власти. Особо журнал пропагандировал культурные достижения Советской России. Под рубрикой «Культурная работа в Советской республике» систематически помещался широкий и разнообразный материал по этой тематике: № 21/22 1919 г. информировал читателей об основании в апреле Пролеткультом школы журналистики³⁵.

Несомненный интерес представляет статья «Искусство в Красной Москве», опубликованная в журнале 15 ноября 1919 г., которая была посвящена деятельности Пролеткульта как «важному элементу новой пролетарской культуры». В статье говорилось, что пролетарская культура, не «дилетан-

тизм масс»: рабочее относится к своему делу серьезно. И после полного трудового дня находят еще время и силы идти в свой Пролеткульт и там работать³⁶.

Со своих страниц журнал «Акция» призывал к защите русской революции, к солидарности с Советской Россией в борьбе против иностранной интервенции. Об этом свидетельствуют напечатанные в журнале «Обращение к народу и трудовой интеллигенции» М. Горького, призыв западноевропейского секретариата Коминтерна, выступления известных деятелей культуры и видных политических лидеров в защиту России.

Второй годовщине Октябрьской революции был полностью посвящен № 45/46. Во вступительной статье редактор Ф. Пфемферт писал о значении Октябрьской революции, «положившей начало светлой эпохе в жизни человечества, возвестившей начало нового мира, в котором нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, а труд свободен и почетен». Автор обращался к рабочим Европы с призывом поддержать Красную армию, «которая в кольце врагов борется, побеждает и ждет пробуждения мирового пролетариата, чье дело погибло бы с поражением Советской России»³⁷.

Наиболее политически радикальный период в истории журнала «Акция» — 1918—1920 гг. Наряду с центральным органом КПГ «Роте Фане», «Акция» выступал с критикой демократии Веймарской республики слева, видя свой идеал в «первом государстве пролетарской диктатуры». Социал-демократическое правительство Фридриха Эберта и Густава Шейдемана воспринималось журналом как милитаристское. «Широкие пролетарские массы все более отходят от правительства и буржуазной демократии вообще, т.е. происходит изоляция правительства от пролетариата собственной страны»,³⁸ — отмечалось в «Акционе».

Журнальные и газетные репортажи и очерки о новой России играли большую роль в формировании положительного образа Советской страны среди немецкого населения Веймарской Республики, отдающих предпочтение демократическим идеям. Первыми Советскую Россию посетили публицисты А. Голичер, Ю. Юнг, А. Гольдшмидт, М. Бартель, а также упоминавшийся ранее А. Паке.

В 20-е годы XX в. немецко-русский культурный обмен возобновился после перерыва, вызванного первой мировой войной, хотя и не в прежнем объеме. Немецкие левые писатели, а также тысячи рабочих-коммунистов ездили по России и сообщали дома о своих впечатлениях. Литературные репортажи и очерки о Советском Союзе периода Веймарской республики имели большое общественно-политическое значение. Рассказывая немецкому читателю о Советской стране, очерк, являясь главнейшим средством художественного незамедлительного запечатления событий, позволял вы-

сказывать свое отношение к факту, направляя в соответствующее русло общественное мнение.

К наиболее существенным в период революционного послевоенного кризиса в Германии принадлежат путевые очерки Артура Голичера. Автор родился в богатой немецко-еврейской семье в Будапеште. Постоянное стремление выйти из духовной изоляции, идейные искания сделали его накануне первой мировой войны в период активного сотрудничества в журнале «Акцион» сторонником анархистских идей и убеждений, а затем членом пацифистского союза «Новое отечество». Этот своеобразный сплав пацифистских и анархистских концепций в мировоззрении писателя делал для него принципиально невозможным сближение с большевизмом, в котором он, однако, увидел общественную силу, способную претворить в жизнь его идеалы. Советскую власть в России А. Голичер принимает без особых колебаний. Отвечая в 1933 г. на вопросы «Литературной газеты», Голичер писал: «Мне было 48 лет, когда Октябрьская революция освободила русский пролетариат и сделала первый грандиозный шаг на пути к освобождению мирового пролетариата... С тех пор я понял и без существенных колебаний принял те перемены, которые в России создала революция, и останусь на таких позициях до тех пор, пока я могу работать, думать и чувствовать»³⁹.

В 1920 г. по поручению американского «Юнайтед телеграф» А. Голичер совершил путешествие в РСФСР. В 1921 г. он опубликовал свою книгу «Три месяца в Советской России», по словам Р. Кайзера, «книгу веры и восхищения коммунистическим идеалом и его русским воплощением»⁴⁰.

Его анархические идеи мирно уживались с коммунистической доктриной: «Достаточно было контакта с претворенной в жизнь доктриной коммунизма, чтобы понять, что в России предпринят первый необходимый, решающий шаг к воплощению анархического идеала, конечной цели развития человеческой общности»⁴¹. Голичер был твердо убежден в неизбежности гибели капиталистической системы, «греховный реестр» которой приводится в книге «Три месяца в Советской России». Каждая страница этой книги несет зафиксированные в строчках слова «царский режим», «мировая война», «блокада», «иностранный интервенция против России». Это, по мнению автора, главные причины неудач Советской власти, против которых изобретательность, готовность на самопожертвование и энтузиазм при строительстве новой системы должны вести свою жестокую, отчаянную, порою кажущуюся безысходной борьбу. Голичер стремится не упустить из виду причины трудностей, испытываемых Советской страной в первые годы после революции⁴².

Среди писателей, побывавших в Советской стране в первые годы после Октябрьской революции, был Франц Юнг, в то время близкий револю-

ционному движению. О своем первом знакомстве с Советской Россией Юнг рассказывает в очерках «Путешествие в Россию», которые получили в 1920 г. высокую оценку редакции журнала «Гегнер»⁴³.

Впечатления о жизни в Советской стране отражены также в дневниках и репортажах Альфонса Гольдшмидта. Областью его интересов, как считал сам автор, была экономика. В 1920 г. Гольдшмидт впервые посетил Советскую Россию, свои впечатления о поездке он изложил в дневнике «Москва 1920».

А. Гольдшмидт не был профессиональным репортером: он ездил на конференции, съезды, лекции, митинги, встречи, собрания и в своих дневниковых записях использовал литературный опыт Гейне, Веерта, Киша. Свои заметки он называл «разгрузкой накопившихся наблюдений». Для его современников они представляли большую ценность, так как любая книга о Советской России вызывала в то время всеобщий интерес. Зарубежного гостя, посетившего Москву в 1920 г., особенно привлекала жизнь улицы, ибо там он был в центре событий, в гуще масс. Блестяще написанные страницы из дневника Гольдшмидта — это описание улиц и площадей Москвы, на которых он наблюдал «великолепную публику»⁴⁴.

Автор имел возможность непосредственно наблюдать русских людей в работе, т.к. принимал участие в организации и отправке немецких специалистов в Россию. Люди, строившие новую жизнь, работали самоотверженно: «Я разговаривал с коммунистами, которые спали по четыре — пять часов, потому что они занимали по три поста и более. Но их нельзя было сломить... Это же чудо, — писал Гольдшмидт, — что эти люди, которых еще десять лет назад держали в невежестве, тысячелетие почти одичавшими, почувствовали неслыханную тягу к потреблению духовных богатств, эту жажду к переделкам в большом масштабе»⁴⁵.

В словах А. Гольдшмидта видно не только восхищение революционными преобразованиями в Советской стране и русскими коммунистами, делавшими эти преобразования, но и, возможно, не замечаемое самим автором твердое убеждение обычного немца о «невежестве» и «дикости» России, по крайней мере, «простого» не европеизированного русского народа, который был дик и невежественен и десять, и тысячу лет назад. Гольдшмидт из-за своих убеждений в своих книгах во многом идеализировал образ Советской России.

Свои впечатления о поездке 1925 г. Гольдшмидт изложил в небольшой книге репортажей «Какой я вновь нашел Москву». Для его современников она представляла большую ценность, так как любая книга о Советской России вызывала в то время всеобщий интерес. Так, Б. Рейх писал в журнале «Вестник иностранной литературы»: "Можно констатировать, что объектами описаний становятся определенные страны, а именно: Америка, Со-

ветский Союз, Китай и Индия. Рекорд побивает книга о СССР. Огромное количество уже вышедших книг на эту тему не может удовлетворить книжный голод и емкость рынка»⁴⁶.

Проработав некоторое время на небольшой спичечной фабрике под Новгородом, писатель Ф. Юнг рассказал в своей книге «История одной фабрики» ее историю — от основания до восстановления предприятия по инициативе рабочих после гражданской войны и разрухи. В книге много примечательных черт времени. Иностранцы-специалисты, среди которых был и автор, обязались поднять производительность спичечного производства и сделать Россию экспортером спичек за границу. Однако переход от ручного труда к машинному повлек за собой большие трудности: острая нехватка квалифицированных кадров, нежелание работниц осваивать машины, интриги, грозившие срыву плана⁴⁷. Юнг правдиво описывает негативные черты советской действительности: низкий образовательный уровень населения, узость слоя квалифицированных промышленных рабочих, отсутствие производственной дисциплины. Иными словами, Юнг показывает различия в уровне развития Германии и России, но, как и все левые публицисты, писатели и общественно-политические деятели, он списывает этот негатив на прошлое, т.е. «царский режим» и «капиталистическую эксплуатацию».

Новый подход к изображению советской действительности наблюдается в произведениях Франца Карла Вайскопфа и Эгона Эрвина Киша, которые в 1927 г. опубликовали свои впечатления о поездке в новую Россию. Их книги отличаются от произведений Гольдшмидта, Голичера и Юнга тем, что в них прямые теоретические рассуждения о закономерностях социальной жизни в СССР отступают на второй план. В предисловии к очеркам Вайскопфа «Переход в XXI столетие. Эпизоды путешествия через Советский Союз» В. Герцфельде критикует большую часть прежних путевых очерков за то, что они не дают ответа на вопрос: «Как выглядят русские будни в деревне и в городе, что делает, что говорит, умалчивает, на что надеется, о чем думает и чего опасается средний гражданин Союза — крестьяне и рабочие, женщины и дети, учителя, торговцы, кучера, попы и нищие?»⁴⁸. Книги Ф.К. Вайскопфа и Э.Э. Киша отражали советскую жизнь в ее многообразных проявлениях и концентрировали внимание на обыденных человеческих взаимоотношениях, переживаниях, конфликтах.

Вопрос о прошлом и будущем социального развития СССР занимает центральное место в репортажах и очерках Э.Э. Киша. Именно с этой точки зрения он исследует Советский Союз во время своей поездки в 1925—1926 гг. Книга очерков «Цари, попы, большевики» (1927 г.) — результат первой поездки Киша в Россию. Круг тем, охватываемых Кишем, очень обширен. Об этом говорят уже названия отдельных глав: «Путиловские заводы»,

«Движение в Москве», «Галоши», «Донецкий бассейн. Рурская область России», «Сокровище в Каспийском море: нефть». Киша, как бывшего пражского репортера, специализировавшегося на сообщениях об убийствах, злодеяниях, аферах, интересовали вопросы судопроизводства. В четырех главах книги он рассказывает о методах советской юрисдикции.

В 1926 г. впервые посетил Советский Союз Ф.К. Вайскопф. Он ехал туда «без особой миссии», по собственному желанию, однако уже тогда, будучи известным писателем и одним из основателей Компартии Чехословакии, он не стремился быть просто «объективным». «Мое сообщение не претендует на полноту или беспартийность: не выражать своего отношения к великим событиям на Востоке предоставляю объективным субъектам. Но, — продолжает он далее, — я старался увидеть и услышать также и то, что мне не нравилось, и тоже об этом написать». И действительно, Вайскопф ничего не замалчивает, ничто не приукрашивает. В своих очерках «Переход в XXI столетие» он рассказывает и о новой советской бюрократии, и о жилищной нужде — «печальном знаке еще оборванной, обтрепанной эпохи, которая вынуждена запихивать детей своих по двадцать человек в одну квартиру», и об отсутствии трудовой дисциплины у рабочих, недавно пришедших на завод с крестьянских полей⁴⁹.

«Эпизоды» из его путешествия по Советскому Союзу в 1926 г. нельзя назвать патетическими, напротив, здесь можно говорить даже больше о скепсисе и юморе, чем о пафосе, однако повсюду, хотя и не навязчиво, автор выражает свое убеждение, что существующие трудности в исторической перспективе будут преодолены⁵⁰.

Во время путешествия по Азии, начавшегося в московском аэропорту и далее шедшего через Кызыл-Орду, Ташкент, Самарканд, Бухару, Сталинабад, Гарм, Ферганскую долину, Ходжент, Вахшстрой, в центре внимания Э.Э. Киша («Азия основательно изменилась») — радикальные изменения, которые происходили в различных областях советского Востока. Например, репортера глубоко волновала проблема освобождения женщины от бесправия.

В книге не замалчиваются трудности. Население страдает от набегов басмачей, не хватает жилья, машин, продовольствия, недостаточно врачей и не изжиты малярия и тропическая лихорадка, уносившие ранее сотни человеческих жизней, однако эти безрадостные явления автор показывает на фоне «основательно изменившихся» условий жизни в Советской Азии⁵¹.

Об увлечении в 20-е годы в Германии «русским просвещающим напитком» красноречиво говорят факты живого обсуждения многочисленных книг очерков, репортажей, статей на «русскую тему» в левых, демократических периодических изданиях, а также значительный интерес к русской и советской литературе. Интерес к России оказался не просто «модным увлечени-

ем» времени. Ситуация в Веймарской республике вынуждала представителей литературной интеллигенции, особенно остро реагировавших на кризисную атмосферу послевоенных лет, открыто высказать свою точку зрения, свое отношение к событиям в России, к революции.

О достаточно сильных симпатиях демократических кругов Веймарской республики к Советской России свидетельствует тот факт, что управление Берлинской тайной полиции в 1932 г. в числе организаций, которые проводили «линию Коминтерна по влиянию на население» Германии, называло «Лигу борьбы против империализма и колониального угнетения», «Еврейское культурное общество», «Союз свободной Балканской федерации»⁵².

Первая мировая война, Русская революция 1917 г. и Ноябрьская 1918 г. в Германии оказали глубочайшее влияние на настроение и мировоззрение немцев, они породили у них ощущения близкой катастрофы, росли идеи антикапитализма, выросла популярность левых идей: социализма, коммунизма, анархизма, индивидуального бунтарства против буржуазной действительности. Происходит «открытие» новой большевистской России, у «левых» слоев немецкого населения возникает идеализированный образ революционной России. Неудачи советской власти, как и ее преступные ошибки (голод в Поволжье), очень часто механически списывались на «проклятый царизм» и мировую капиталистическую систему. Огромную роль в создании этого положительного и во многом идеализированного облика Советской России играла революционная культура.

Примечательно, что в образе Советской России у демократической части населения явно присутствует понимание различий в уровне развития Германии и России: узкий слой квалифицированных рабочих, отсутствие трудовой дисциплины, острая нехватка современных станков и машин, бедственное положение деревни. Демократические круги в целом отрицательно относились к политическому режиму, установившемуся в России после 1917 г., но выступали за тесные контакты Веймарской Германии с Советской Россией, особенно в сфере науки и культуры. Русские, уничтожившие авторитарный монархический строй и установившие республику, вызывали симпатии и растущий интерес.

Примечания

¹ Paquet A. Im kommunistischen Rußland. Briefe aus Moskau. — Jena, 1919. — S. 1.

² Paquet A. Der Geist der russischen Revolution. — Leipzig, 1919. — S. 1–8.

³ Paquet A. Im kommunistischen Rußland... — S. 84.

⁴ Ibid. — S. 49.

⁵ Ibid. — S. 121.

⁶ Ibid. — S. 145, 198.

- ⁷ Ibid. — S. 136.
- ⁸ Ibid. — S. 178.
- ⁹ Ibid. — S. 179.
- ¹⁰ Ibid. — S. 179–180.
- ¹¹ Weltbühne. — 1920. — № 5. — S. 132.
- ¹² Ibid. — 1920. — № 19. — S. 522.
- ¹³ Ibid. — 1920. — № 26.
- ¹⁴ Ibid. — 1921. — № 6. — S. 161.
- ¹⁵ Ibid. — 1921.- № 8. — S. 214.
- ¹⁶ Berliner Tageblatt. — 1922. — 29 Nov.
- ¹⁷ Zeit. — 1923. — 17 April.
- ¹⁸ Weltbühne. — 1924. — № 13. — S. 399.
- ¹⁹ Ibid. — 1926. — № 47. — S. 798.
- ²⁰ Ibid. — 1928. — № 6. — S. 195.
- ²¹ Ibid. — 1927. — № 50. — S. 885.
- ²² Ibid. — 1928. — № 6. — S. 206.
- ²³ Ibid. — 1928. — № 10. — S. 353.
- ²⁴ Ibid. — 1927. — № 4. — S. 773.
- ²⁵ Tucholsky K. Gesammelte Werke. / Hrsg.v. M.Gerold-Tucholskz, F.Raddatz: In 3 Bänden — Reinbeck bei Hamburg, 1960–1961. — Bd. 3. — S. 477.
- ²⁶ Weltbühne. — 1930. — № 50.
- ²⁷ Ibid. — 1931. — № 36. — S. 364–365.
- ²⁸ Internationale Literatur. — 1934. — № 3. — S. 151.
- ²⁹ Weltbühne. — 1933. — № 5. — S. 160.
- ³⁰ Ibid. — 1926. — № 5. — S. 165.
- ³¹ Neue Russland. — 1924. — № 3/4. — S. 5–6.
- ³² Центр хранения историко-документальных коллекций Российской Федерации. Ф. 772. Оп. 2. Д. 165. Л. 4. (Далее: ЦХИДК РФ).
- ³³ Weltbühne. — 1926. — № 19. — S. 737.
- ³⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 83. Л. 14.
- ³⁵ Aktion. — 1919. — № 21/22.
- ³⁶ Ibid. — 1919. — № 45/46. — S. 748.
- ³⁷ Ibid. — 1919. — № 45/46. — S. 734–735.
- ³⁸ Ibid. — 1919. — № 28. — S. 472.
- ³⁹ Internationale Literatur. — 1933. — № 1. — S. 132.
- ⁴⁰ Literatur. — 1926. — № 10. — S. 584.
- ⁴¹ Holitscher A. Reisen. Ausgewählte Reportagen und autobiographische Berichte. — В., 1973. — S. 84.
- ⁴² Holitscher A. Drei Monate in Sowjetrußland. — В., 1921. — S. 227.
- ⁴³ Gegner. — 1920. — № 3. — S. 83.
- ⁴⁴ Goldschmidt A. Moskau 1920. — В., 1920. — S. 5, 71.
- ⁴⁵ Goldschmidt A. Große Liebe — weite Welt oder Zwischen Rio Bravo und Moskau. Reise- und Zeitbilder 1920–1940. — В., 1974. — S. 100–101, 255.
- ⁴⁶ Вестник иностранной литературы. — 1928. — № 3. — С. 154.
- ⁴⁷ Юнг Ф. История одной фабрики. / Пер. с нем. Я.Ф.Юделовича. — М.-Л.: Книга, 1925. — С. 36, 73.

⁴⁸ Weiskopf F.C. Umsteigen ins 21.Jahrhundert. Episoden von einer Reise durch die Sowjetunion. — B., 1927. — S. 6.

⁴⁹ Weiskopf F.C. Zukunft im Rohbau. — B., 1932. — S. 13, 109.

⁵⁰ Weiskopf F.C. Gesammelte Werke./ Hrsg.v. die Akademie die Künste zu Berlin: In 8 Bänden. — B., 1960. — Bd.3. — S. 117.

⁵¹ Kisch E.E. Asien gründlich verändert. — B., 1932. — S. 124, 249, 260.

⁵² ЦХИДК РФ. Ф. 501. Он. 3. Д. 365. Л. 113–118.